

Военные 1918
Мемуары 1919

Генерал-майор
М.Г. Дроздовский

ДНЕВНИК

Военные мемуары (Вече)

Михаил Дроздовский
Дневник

«ВЕЧЕ»

1923

Дроздовский М. Г.

Дневник / М. Г. Дроздовский — «ВЕЧЕ», 1923 — (Военные мемуары (Вече))

ISBN 978-5-4484-7132-2

Воспоминания легендарного генерала М. Г. Дроздовского (1881–1919) рассказывают о событиях Гражданской войны в России и охватывают 1918–1919 гг. Особенно интересны впечатления автора о знаменитом походе дроздовцев – марше по маршруту Яссы – Дон. В качестве приложения к дневнику приводятся отрывочные записи за 1915–1917 гг., ярко характеризующие личность генерала, который стал легендой Белого движения.

ISBN 978-5-4484-7132-2

© Дроздовский М. Г., 1923

© ВЕЧЕ, 1923

Содержание

Р.Г. Гагкуев	6
Предисловие	10
Введение	11
Дневник 1918–1919	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18
Комментарии	

Михаил Дроздовский

Дневник

© Гагкуев Р.Г., предисловие, составление, комментарии, 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Р.Г. Гагкуев

Михаил Дроздовский и его «дневник»

Михаил Гордеевич Дроздовский (07.10.1881–01.01.1919)¹ относится к числу наиболее известных военачальников Гражданской войны в России (1917–1922 гг.). Если посмотреть на его краткую биографию², то на первый взгляд это обстоятельство может показаться даже странным. Дроздовский никогда не занимал ключевых постов в Белом движении и не одерживал громких и ярких побед над Красной армией. Более того – он скончался от ранения 1 января 1919 г. – перед началом решающих сражений в Гражданской войне. И тем не менее Дроздовский был и остается во многом знаковой фигурой для характеристики русского офицерства первой четверти XX в.

Такому положению способствует его роль в развитии событий Гражданской войны на Юге России. Формирование Дроздовским отряда добровольцев на распадающемся Румынском фронте в конце 1917 – начале 1918 г., а главное – приход этого отряда на соединение с Добровольческой армией на Дон в апреле 1918 г. – имели большое значение в расстановке сил на Южном фронте Гражданской войны. Добровольческая армия, во главе которой с апреля 1918 г. стоял уже генерал-лейтенант А.И. Деникин, благодаря слиянию с отрядом полковника М.Г. Дроздовского не только увеличилась численно почти вдвое. Возможно, даже большим было моральное значение этого соединения противников советской власти, обозначившее переход Гражданской войны на Юге России от локальных столкновений сравнительно небольших отрядов к полномасштабным боевым действиям.

Впрочем, дальнейший ход Гражданской войны в рядах деникинской Добровольческой армии не принес Дроздовскому какой-либо дополнительной славы или известности. И хотя вес и значение его 3-й пехотной дивизии в успехе Второго Кубанского похода и занятии белыми всего Северного Кавказа в июне – декабре 1918 г. трудно переоценить, в истории Гражданской войны Дроздовский навсегда останется прежде всего командиром отряда добровольцев, совершившего сложный 1200-верстный поход Яссы – Дон.

Поход Яссы – Дон к настоящему времени изучен довольно подробно, чему способствовала публикация ряда новых источников³. Однако первым и наиболее значимым документом об этом событии был и остается дневник самого М.Г. Дроздовского, в котором зафиксированы события начиная с периода подготовки к выступлению в поход (20 февраля 1918 г.) и почти до его окончания (21 апреля 1918 г.). Как источник по истории Гражданской войны документ во многом уникален. Оставленный Дроздовским дневник – это единственные опубликованные дневниковые записи одного из наиболее знаковых офицеров Белого движения, посвященные к тому же самому важному этапу его биографии. Дневник неоднократно публиковался как в русской эмиграции, так и в современной России, однако о самом документе до сих пор не известно ничего, кроме того, что сказали его первые публикаторы.

¹ Даты в предисловии приведены по старому стилю (Юлианскому календарю).

² Подробная биография М.Г. Дроздовского приведена во введении к публикуемому ниже «Дневнику». В комментариях к написанному неизвестным офицером-дроздовцем введению сделаны необходимые дополнения и уточнения, не известные его автору к моменту его создания (начало 1920-х гг.). См. также: *Абиякин Р.М.* Генерал-майор М.Г. Дроздовский // Белое движение: исторические портреты / Сост. А.С. Кручинин. М., 2011. С. 224–263; *Гагкуев Р. Г.* Последний рыцарь // Дроздовский и дроздовцы: [сб. док. и воспоминаний] / Сост. и ред. Р. Г. Гагкуев и др. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012. С. 9–125 и др.

³ О походе Яссы – Дон подробнее см.: *Колдобский С. Н.* Формирование Сводного морского добровольческого полка и спасение знаменного Андреевского флага 1-го морского полка Балтийской дивизии // Дроздовский и дроздовцы. С. 425–440; *Колтышев П.В.* Поход дроздовцев Яссы – Дон. 1200 верст. Воспоминания дроздовцев. 26 февраля – 25 апреля 1918 г. // Дроздовский и дроздовцы. С. 238–224; Поход дроздовцев / Сост. А.П. Капустянский. М., 1993 и др.

О том, что М.Г. Дроздовский оставил после своей смерти дневник, стало известно почти сразу после его смерти. В некрологе, опубликованном газетой «Великая Россия» 6 января 1919 г., указывалось, что «...после генерала Дроздовского остался дневник, который он вел в походах и который он предполагал подготовить к печати»⁴. Очевидно, что публикация дневниковых записей самим Дроздовским почти неизбежно привела бы к определенной редакционной правке, не позволившей бы узнать о многих деталях его жизни периода похода Яссы – Дон.

Тем не менее, выпущенное в 1923 г. берлинским издательством «Отто Кирхнер и К^о», первое издание «Дневника» Дроздовского⁵ не дает нам почти никаких сведений о составе и объеме сохранившихся записей. Оставшийся неизвестным составитель издания (или, возможно, составители) привел лишь самую краткую информацию об имевшемся в его распоряжении документе. Дневник, по его словам, состоял «из двух небольших записных книжек», в которые Дроздовский заносил «ежедневные заметки во время исторического похода с Румынского фронта». Исходя из предисловия публикатора, мы также знаем, что эти «заметки остались в необработанном виде». Велась ли все-таки какая-то редакционная работа над этими «необработанными записями», осталось ли что-то за пределами первой публикации – неизвестно. До настоящего времени мы ничего не знаем ни о возможной сохранности дневника Дроздовского, ни о его местонахождении непосредственно перед первой публикацией. Можно предположить, что личные документы Дроздовского какое-то время находились в распоряжении его сестры – Юлии Гордеевны Дроздовской, с которой его связывали наиболее близкие личные отношения. Тяжело больная Ю.Г. Дроздовская, проживавшая в годы Первой мировой и Гражданской войн в Чернигове, в октябре 1919 г. после занятия города белыми была эвакуирована на юг страны в сопровождении сестры милосердия Дроздовского полка. В 1920 г. Дроздовская была вывезена за рубеж, прожив за пределами России совсем не долго: 7 января 1922 г. она скончалась в Пирее (Греция). Копии с писем М.Г. Дроздовского к сестре Юлии, оказавшиеся позднее в распоряжении генерал-майора В.Г. Харжевского⁶, датированы 1930-ми гг. и сняты в одном месте – болгарском городке Мездра (недалеко от Софии). Судьба же документов самой Ю.Г. Дроздовской остается пока неизвестной.

Очевидно, что в распоряжении неизвестного публикатора находился довольно большой массив личных документов Дроздовского. Издание 1923 г. позволяет нам сделать вывод о том, что ведение дневника для Дроздовского было делом привычным и, вероятно, такие записи он вел на протяжении по меньшей мере части своей жизни. Об этом свидетельствуют, прежде всего, опубликованные в качестве приложения к основному документу отрывочные записи из его дневника за 1915–1917 гг. Кроме того, во введении к первой публикации дневника неизвестный составитель не раз приводит цитаты как из писем Дроздовского, так и из его «записей», сделанных до начала похода Яссы – Дон. Составитель не имел точной информации о причине отсутствия в дневнике записей после 21 апреля 1918 г., предполагая, что продолжать его Дроздовскому помешали «тяжелые бои» или же приведенные «в порядок» законченные записки были позднее утеряны.

Для понимания личности Дроздовского крайне важен не только опубликованный в 1923 г. «Дневник», но и уже упоминавшееся введение к нему. Несмотря на сравнительно небольшой объем, в нем содержится немало подробностей о жизни Дроздовского, без ссылок на которые не обходится сегодня ни один биографический очерк. Автором введения, по всей видимости, был неизвестный офицер-дроздовец, вероятно, участник похода Яссы – Дон, прошедший в составе дроздовских частей всю Гражданскую войну. В пользу такого предположе-

⁴ Великая Россия. Ростов-на-Дону. № 18–106. 6 января 1919 г.

⁵ Дроздовский М.Г. Дневник. Берлин: О. Кирхнер и К^о., 1923.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5895. Харжевский Владимир Григорьевич. Д. 16 (письма М.Г. Дроздовского к сестре Юлии, а также фрагменты его дневников за разные годы опубликованы в сборнике «Дроздовский и дроздовцы». М., 2012. С. 139–169).

ния говорят как знание им многих подробностей из жизни отряда Дроздовского и Добровольческой армии в 1918 г., так и личное, основанное на собственных впечатлениях отношение к генерал-лейтенанту И.П. Романовскому. Начальник штаба сначала Добровольческой армии, а затем – Вооруженных сил Юга России, представлен во введении к дневнику как «злой гений» южнорусского Белого движения, пагубному воздействию которого был подвержен главнокомандующий генерал-лейтенант А.И. Деникин.

Незнание автором введения судьбы части дневниковых записей, которые, по его словам, могли быть «потеряны», может свидетельствовать о том, что на момент смерти Дроздовского он находился на фронте и лишь по окончании войны (уже в эмиграции) получил возможность познакомиться с личными документами своего командира. Введение к дневнику во многом представляет собой самостоятельный источник, который помогает не только составить мнение о жизни и деятельности Дроздовского, но и сформировать представление о добровольческом офицерстве в целом и окружении Дроздовского в частности. В издании 1923 г. был также впервые опубликован знаменитый рапорт М.Г. Дроздовского от 27 сентября 1918 г. и фрагменты его переписки, а составителем «Дневника» была впервые озвучена версия об убийстве (заведомо неправильном лечении, приведшем к смерти) своего командира.

Для понимания важности публикации дневника М.Г. Дроздовского и того резонанса, который он вызвал в среде русской военной эмиграции, отметим, что этот источник увидел свет раньше большинства крупных работ, написанных о Гражданской войне ее участниками. В 1923 г. еще не было опубликовано ни одной значимой работы, которая бы подробно рассматривала историю формирования отряда Дроздовского и походе Яссы – Дон. «Дневник» долгое время оставался единственным источником о действиях Дроздовского в первой половине 1918 г. Даже генерал А.И. Деникин, не обошедший вниманием в «Очерках русской смуты» ни одного из значимых вопросов Гражданской войны на Юге России, подробно рассказал о Дроздовском, его отряде и сложившихся с ним взаимоотношениях только в 4-й книге своего капитального труда «Очерки русской смуты», увидевшего свет в 1924 г.⁷ Использовал он при этом вышедший ранее дневник Дроздовского, попутно не упуская возможности ответить на ряд содержащихся в нем нападок на себя, а главное – на И.П. Романовского (в частности, Деникин рассказал об истории появления резолюции своего начальника штаба на рапорте Дроздовского).

За прошедшее со времени первой публикации время дневник Дроздовского неоднократно переиздавался. Как правило, переиздания не включали в себя какой-либо дополнительной информации к основному тексту. Уже в 1926 г. дневник был переиздан в Советском Союзе в составе сборника «Начало гражданской войны» (том 3 серии «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев»)⁸. В сравнении с текстом первоисточника он был несколько сокращен хронологически (события начинаются с 9 марта), при этом все дополнительные материалы к нему опущены. Составители сборника оговаривали, что дневник Дроздовского «заполнен главным образом описаниями военной стороны его похода. Мы вынуждены были, однако, за недостатком места все такие описания оставить в стороне и ограничиться лишь теми выдержками из дневника, где характеризуется политический смысл и значение предприятия его автора». Вышедшее в 1963 г. в Нью-Йорке переиздание дневника⁹ полностью (вместе со всеми дополнительными материалами) воспроизводило выпуск 1923 г. Большая часть дневника Дроздовского, дополненного другими воспоминаниями о походе Яссы – Дон, была опубликована

⁷ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 3: Белое движение и борьба добровольческой армии: май – октябрь 1918 г. Париж, 1924.

⁸ Дроздовский М.Г. Дневник // Начало гражданской войны / Сост. С.А. Алексеев; Под ред. и с предисл. Н.Л. Мещерякова. М. – Л.: Гос. соц. – экон. изд-во, 1926. С. 109–125.

⁹ Дроздовский М.Г. Дневник. Нью-Йорк: Всеславянское изд-во, 1963. 205 с.

ликована в 1973 г., в первом томе подготовленного штабс-капитаном В.М. Кравченко издания «Дроздовцы от Ясс до Галлиполи»¹⁰.

В современной России дневник М.Г. Дроздовского воспроизводился дважды. Впервые он был опубликован С.В. Карпенко в составе одного из томов серии «Белое дело» в 1996 г.¹¹ Несомненным достоинством этого издания стало наличие в нем научных комментариев, в существенной степени дополняющих содержание и проясняющих описываемые в источнике события. Очевидно, формат серии не позволил научному редактору воспроизвести в издании не только сам дневник, но другие материалы из выпуска 1923 г. Второе издание дневника состоялось в рамках серии «Россия забытая и неизвестная. Белое движение» под общей научной редакцией С.В. Волкова. В томе «Первые бои Добровольческой армии» был опубликован дневник Дроздовского¹², но вновь без дополнительных материалов первоисточника. Научные комментарии к документу составили в основном биографические справки участников Белого движения.

Предлагаемое вниманию читателей новое издание дневника М.Г. Дроздовского – его первое полное воспроизведение в современной России. Текст публикации 1923 г. дополнен предисловием, подробными комментариями и примечаниями, в существенной степени дополняющими основной текст и позволяющими по-новому взглянуть на уже известный исторический источник. Текст дневника и дополнительных материалов приведен в соответствие с современными нормами орфографии и пунктуации, вместе с тем, максимально сохранены особенности авторского стиля. Приводимые в сборнике краткие биографические справки, как правило, освещают деятельность упоминаемых в книге персоналий в годы Первой мировой и Гражданской войн и не претендуют на полноту.

¹⁰ Кравченко В.[М.] Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Т. 1. Мюнхен, 1973. С. 30–100.

¹¹ Дроздовский М.Г. Дневник // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Кн. 7: Добровольцы и партизаны / Сост., науч. ред. и коммент. С.В. Карпенко. М.: Голос; Сполыхи, 1996. С. 5–75.

¹² Дроздовский М.Г. Дневник // Первые бои Добровольческой армии / Сост., науч. ред., предисл. и коммент. С.В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2001. С. 419–492.

Предисловие

«Дневник» генерала Дроздовского состоит из двух небольших записных книжек, в которые заносились ежедневные заметки во время исторического похода с Румынского фронта на Дон в феврале – апреле 1918 года. Несмотря на то что заметки остались в необработанном виде, они, благодаря своей непосредственности и безыскусственной записи ежедневных впечатлений, не лишены выдающегося значения.

Насколько известно, до настоящего времени не появилось в печати воспоминаний участников этого похода и связанного с ним любопытнейшего периода формирования Добровольческой армии; в частности, в вышедших мемуарах деятелей этой эпохи имя М.Г. Дроздовского упоминается только вскользь или совсем обходится молчанием. А между тем поход «дроздовцев» заслуживает не меньшего внимания, чем походы первого периода Гражданской войны, и заметки главного вдохновителя, организатора и начальника приобретают таким образом огромный интерес.

Только благодаря выдающейся энергии, отваге и упорству начальника удалось это исключительное предприятие, когда горсть русских людей, не утративших веры в спасение родины, окруженная врагами, посреди всеобщего развала не только пробилась на Дон, но и сохранила характер спаянной воинской части. Небольшой отряд «полковника» Дроздовского послужил затем кадром для создания одного из крупнейших соединений Добровольческой армии – доблестной «Дроздовской» дивизии.

Будучи одним из основателей и организаторов Добровольческой армии, как армии народной, проникнутой чистым сознанием борьбы за право и государство, за великую, свободную Россию, – М.Г. Дроздовский до самой своей смерти сохранил глубокую веру в идею, в правоту своего дела. Этой идеей он горел, и она роднила его с великим русским патриотом Л.Г. Корниловым. Идея белой армии, при ее основании, в чистом своем виде, – идея борьбы правды с ложью, справедливости с насилием, честности с низостью, и идея эта остается чистой и незапятнанной, в какие бы уродливые формы она порой ни выливалась, в чьих бы слабых и неумелых руках она ни очутилась, какие бы разочарования ни внушали ее отдельные исполнители. Ложь, узкий эгоизм, преступная небрежность и неумение присосались к великой идее и погубили ее. И покойный М.Г. Дроздовский прекрасно сознавал всю опасность вырождения великих порывов. В рапорте, поданном им незадолго до смерти генералу Деникину^[1], чувствуется горечь разочарования в руководителях и исполнителях, указывается на необходимость прочной организованности борьбы, оздоровления тыла, грозно звучит предостережение... Увы, оно оказалось роковым...

И теперь, когда Добровольческая армия побеждена – «горе побежденным», – когда все наперерыв торопятся помянуть недобрым словом эту когда-то здоровую, светлую и доблестную силу^[2], – образ идеалистов-организаторов ее становится особенно дорогим и близким. Пусть обломки армии на чужбине, пусть невыносима, тяжела их крестная ноша. Но идея не умерла, она не может погибнуть. И люди, связанные ею, спаянные пролитой за нее кровью, вместе делившие труды и лишения, сомкнутся еще тесней и дождутся и лучших дней, и счастья увидеть родину возрожденной.

Пусть же эта маленькая книга будет скромным памятником на могилу погибшего патриота.

Д.

Введение

Михаил Гордеевич Дроздовский родился в Киеве 7 октября 1881 года^[3]. Его отец – генерал-майор Гордей Иванович Дроздовский – был участником Севастопольской обороны^[4]. В раннем детстве Дроздовский лишился матери и его воспитание легло всецело на старшую сестру – Юлию Гордеевну, которая была на 15 лет старше своего брата^[5]. Будучи самым младшим в семье и единственным сыном, Дроздовский с детства был баловнем всей семьи, но это баловство не отразилось на его характере. Юлия Гордеевна отмечает, что брат отличался ранним развитием самостоятельности, наряду с необычайной любознательностью, впечатлительностью и крайней нервностью. Вращаясь в кругу военных, ребенок, естественно, пристрастился к военным играм, переодеванию в солдаты, игре с саблями и воображаемыми револьверами, сделанными им самим из палок. Также в раннем еще детстве выступила ярко и отчетливо одна черта Дроздовского, нитью прошедшая через всю его жизнь – это одиночество, скрытность и замкнутость. Товарищей детских игр у него не было; он предпочитал общество денщиков отца, заслушивался их рассказов о деревне, о войнах, о полковой жизни. Позже, к 7 годам, у мальчика появляется любовь к рисованию, а также и к поэзии; излюбленными стихами его были боевые, яркие описания войн. Декламируя их, он представлял сцены в лицах, заставляя сестер выслушивать его.

В 1892 году Михаил Гордеевич был отдан в Полоцкий корпус, но вскоре переведен в Киевский кадетский корпус, который он окончил в 1899 году.

Воспитатели ученических лет Дроздовского отмечают его выдающиеся способности, наряду с необыкновенной ленью, своенравием и изобретательностью шалостей. Однокашники Михаила Гордеевича вспоминают постоянный окрик воспитателя (полковник Гаас^[6]): «Дроздовский, под арест!» Прирожденная правдивость и бесстрашие внушали всегда юноше необходимость сознания своей вины и заставляли постоянно терпеть наказания. В старших классах он увлекается рисованием, проявляя недюжинные способности, но, к сожалению, все его этюды и наброски утеряны.

По окончании корпуса Михаил Гордеевич вышел в Павловское военное училище в Петербурге, где дисциплина была особенно строга и карцер являлся почти постоянным местопребыванием непокорного Дроздовского. Так, однажды, он решил вывесить свою визитную карточку на дверях карцера, уверяя, что ему предоставили отдельную комнату в училище. За эту выдумку ему, разумеется, пришлось понести усиленное наказание. Одно время жизнь в училище показалась юноше настолько тяжелой, что он написал отцу о своем решении уйти, так как ему не под силу было справиться со своим характером: он не мог покорно, а главное без противоречий, выслушивать окрики начальства, замечания, зачастую несправедливые и абсурдные. Только авторитет отца, его убедительные письма и просьбы закончить раз начатое образование принудили Дроздовского покориться, остаться и одним из первых окончить училище.

В 1901 году Михаил Гордеевич вышел в Варшаву в лейб-гвардии Волынский полк^[7], пребывание в котором окончательно отшлифовало его характер и наложило отпечаток на всю его дальнейшую жизнь. Тут небезынтересно отметить систему воспитания, которую проводили в Волынском полку старшие офицеры по отношению к молодежи. Первое и главное требование всякого военного – дисциплина – была очень строга; также исполнительность и аккуратность в службе. Воспитывалась любовь к родине, к полку, к его традициям, любовь и забота о солдатах, корректное и сдержанное отношение к однополчанам. Но здесь не было строгого окрика начальников, а если делалось замечание, то в форме совета старшего младшему; вот почему те же требования и та же строгость, что и в училище, но вылитые в другие формы, были так легки и незаметны для Дроздовского. Скрамная жизнь полка, постоянная строевая

работа, занятия с солдатами и непрестанное внушение старших, что своею жизнью офицер должен показывать пример солдатам, не допускали кутежей и разгула. Здесь не было принято, как в других полках среди молодежи – хвастовство кутежами, пьянством, развратом, жизнью не по средствам, долгами, и даже такие разговоры считались неприличными и странными. В такую здоровую и бодрую атмосферу посчастливилось попасть Дроздовскому, и понятно, что Волынский полк как нельзя более подходил к замкнутому его характеру, развил выдержку и привил ему необходимое умение повиноваться и управлять подчиненными, да и характер взаимоотношений офицерства был необыкновенно близок взглядам Дроздовского. В полку была прекрасная библиотека, выписывались журналы, и офицеры могли следить за литературой и наукой. Михаил Гордеевич много читал, интересовался литературой, вопросами философии, новыми открытиями, и в свободное время его можно было всегда видеть за книгой. Он увлекался шахматами, следил за шахматными турнирами. Но избрав военную карьеру, посвятив свою жизнь любимому делу, Дроздовский считал свое специальное образование крайне скудным и под влиянием деятельной переписки с отцом, находившим, что необходимо дальнейшее военное образование, он в 1904 году поступил в Академию Генерального штаба^[8]. Не раз впоследствии Михаил Гордеевич говорил, что он обязан всем своему отцу, его влиянию, а также родному Волынскому полку.

По объявлении Японской войны Дроздовский немедленно прикомандировался к 34-му Стрелковому Сибирскому полку и, будучи убежденным строевиком, на практике изучил военное дело, участвуя с полком в боях. На этой войне он получил все боевые знаки отличия^[9]. В бою под Ляояном был ранен в ногу^[10]. К сожалению, все письма с войны, его личные впечатления, подробно изложенные отцу, – утеряны.

По окончании войны М.Г. Дроздовский вновь возвратился в Академию, которую окончил в 1908 году. Полагающийся ценз командования ротой он отбывал в Волынском полку и впоследствии, в чине капитана, был назначен в штаб округа в Харбине. С этого времени начинается неудовлетворенность работой в штабе, его действительная натура не могла примириться с чисто канцелярской работой, связанной с его маленьким чином, и эта невозможность проявлять инициативу заставляла страдать Михаила Гордеевича. К счастью, в феврале 1912 года он был переведен в штаб Варшавского военного округа, где общение с волынцами давало ему отдохновение и скрашивало жизнь. Когда вспыхнула Балканская война, Дроздовский ожил; мысль о возможности попасть в бой, снова услышать свист пуль, быть в действии, вырваться из сидения в Отчетном отделении штаба побудила его просить о командировании на войну. Однако желанию его не суждено было сбыться. Вот что он писал 22 ноября 1912 года: «Моя мечта принять участие в Балканской войне почти облеклась в реальные формы, я почти торжествовал, но вчера все рухнуло – категорически воспрещены поездки, и я должен сидеть смирно. До каких же пор»...

В этот период времени Михаил Гордеевич начал большой труд по стратегии о будущей русско-германской войне. Бывая в Петербурге, он посещал Публичную библиотеку, где собирал нужные ему материалы. «Может, и хватит характера докончить», – говаривал он и, действительно, закончил свою работу, но труд этот погиб^[11].

В 1913 году Дроздовский добился командировки в Севастопольскую авиационную школу, где изучил наблюдения с аэропланов^[12].

Европейская война застала Михаила Гордеевича в Варшаве, откуда он был назначен в штаб главнокомандующего Северо-Западным фронтом. Вот что мы читаем в его письме от июля 1914 года: «Я далек от боевой линии, это угнетает меня, но начальство не пускает меня пока вперед. Здесь, правда, больше в курсе дела, но зато не услышишь свиста пули, а без этого разве война – война!!! Ничего, пойдут убитые и раненые, а также ищущие места побезопаснее, будет и мне замена. Эта война, величайший исторический момент – моя великая, самая страстная мечта, и я принужден оставаться в стороне, разве можно сказать, что я участвую в

ней. Если бы хоть нести ответственные, требующие самостоятельной деятельности обязанности, а то должность помощника начальника отдела в таких крупных штабах – роль писарская. И это тогда, когда решается судьба моей родины, я должен исполнять бесцветную работу, вне опасности. Такая жизнь угнетает меня, положительно любое дело валится из рук».

Стремление Дроздовского к более активной роли, наконец, после долгих хлопот получило свое осуществление, он был назначен в штаб 27-го армейского корпуса.

Вновь обращаемся мы к письму Дроздовского по поводу этого назначения:

«Наконец-то мне удалось вырваться из штаба Главнокомандующего, здесь только в штабе дивизии или корпуса я буду иметь возможность проявить инициативу, с моим маленьким чином (капитана) принести большую пользу, конечно, все будет зависеть от личностей начальствующего персонала, но хуже не будет... Поймите, что пришлось мне пережить последнее время: на северо-западном фронте неудачи, их я предсказал до войны в бесконечных разговорах и спорах в штабе. В своем дневнике я указывал на печальные последствия нашей стратегии, я предвидел все и ничем не мог помочь, предотвратить тяжелые последствия. Ведь в наших руках была яркая, блестящая победа, при наличии тех обстоятельств, с которыми мы вышли на войну, а во что ее превратили?..»

В приложении приведены отрывки записок из полевой книжки Дроздовского, относящиеся к этому периоду.

Осенью 1915 года Михаил Гордеевич был произведен в подполковники и назначен начальником штаба 64-й дивизии. Наконец он смог в более широком масштабе проявить свою инициативу.

Следующий факт, характеризующий Дроздовского, произошел в бытность его начальником штаба 64-й дивизии.

Во время ночного отступления Н-го корпуса переправу через мост внезапно захватила немецкая конница, чем поставила не успевшие переправиться наши части в безвыходное положение. Неожиданно раздались крики «ура», и на мосту появился подполковник Дроздовский с группой солдат. Впоследствии выяснилось, что получив донесение о захвате немцами переправы, Михаил Гордеевич сразу учел положение, наскоро собрал находившихся вблизи штаба солдат и кинулся к мосту. После короткой схватки немцы бежали, и до утра подполковник Дроздовский занимал отбитую им переправу, а утром возвратился в штаб и приступил к своей обычной работе.

Настроение Дроздовского сильно изменялось в связи с обстановкой на фронте.

Из письма М.Г. Дроздовского от апреля 1916 г.:

«У меня громадная работа, не говоря уже о текущем бумагомаранье; иногда целыми днями пропадаю на позиции; приходится делать организационные работы, требующие большого напряжения, но совершенно необходимые, чтобы быть во всеоружии перед случайностями. Я давно старался добиться у своего генерала той плановости, с которой он никак не может мириться. Теперь сверху крепко нажали, и мне удалось получить руководство в свои руки, и надо торопиться все сделать, пока не вставят очередной палки в колесо». К лету, в ожидании боев Дроздовскому приходилось усиленно работать; вот что он пишет в июне:

«Я по горло завален делами, целыми днями на позиции, возвращаюсь с обходов усталым и зарываюсь в бумагу, без конца сидишь и пишешь, позднее разбираю телеграммы – это пачка в добрый роман Золя.

Вполне понятно, почему у нас сейчас огромная, лихорадочная работа, приходится напрягать все силы, чтобы не быть неподготовленным к событиям. Всюду нужен контролирующий глаз, предусмотрение и организация. Конечно, мало 24 часов в сутки. Все это ничего, если бы не это наводнение бумаги; я не только не видел ничего подобного, но даже не предполагал, что может существовать такое море бумаги; это все подлая привычка отписываться. Если бы

старшие и высшие действительно побольше работали и чаще посещали части, не нужно было бы этой мертвящей, душащей бумаги.

Кругом наблюдается подъем духа. Нельзя не признать, что наши Луцкий и Буковинский прорывы были удивительно чистой работы, по крайней мере во внешней их форме – видно, что наконец кое-чему научились и у нас. Положение на всех фронтах считается благоприятным; будут конечно и неудачи, придется за них не раз расплачиваться, но инициатива уже вырвана из немецких рук, немцы отбиваются, но удары наносим везде мы. Надо полагать, что так останется до конца, но еще конца войны не предвидится, нужно запастись большим терпением».

В начале сентября, во время атаки Дроздовский был тяжело ранен в правую руку, нормально владеть которой он уже не мог до конца жизни. Вот что рассказывает офицер 64-й дивизии об обстановке, в какой был ранен Михаил Гордеевич:

«К началу сентября в числе прочих частей 64-я дивизия была переброшена на Юго-Западный фронт и вошла в 9-ую армию в составе 18-го армейского корпуса. Насколько положение 9-й армии было серьезно (частично в направлении Мармарош – Сигет), указывает тот факт, что части дивизии с похода были посажены на грузовые автомобили и в спешном порядке двинуты на помощь отходящим под давлением австро-германцев мелким казачьим отрядам.

Район сосредоточения дивизии была Молдава. Не имея возможности войти на месте в связь с отходящими по горным тропинкам казачьими разъездами, а следовательно, не имея никаких сведений о противнике и его расположении, решено было послать вперед разведку из батальона 254-го пехотного Николаевского полка. Разведкой принял на себя руководство начальник штаба дивизии Дроздовский. К утру эта разведка определила линию фронта всего корпуса для перехода в контрнаступление против австро-германцев. По занятии Николаевским полком позиции остальные части дивизии были поставлены вправо и влево от него, заполнив таким образом образовавшуюся брешь, соприкасаясь правым флангом с уссурийцами, левым же с 37-й пехотной дивизией.

Подосевшими нашими свежими силами было предпринято частичное наступление, которое начало успешно развиваться на обоих наших флангах. Нам же необходимо было преодолеть сильнейшее естественное препятствие в виде местного горного хребта с тактическим ключом – горой Капуль, за которой находился очень важный для нас Кирлибабский проход. Для взятия Капуля была назначена 64-я дивизия, части которой ночной атакой в короткой штыковой схватке сбили противника и закрепились, послав донесение в штаб дивизии, что Капуль взят, о чем было немедленно сообщено в ставку Главнокомандующего. В связи с этим донесением, ночью же стали вырабатывать план дальнейшего наступления, когда с рассветом выяснилось, что нашими частями занята не гора Капуль, а лишь ее восточное плато. Было необходимо исправить эту ошибку и, главное, сгладить неловкость по отношению к Ставке. Взятие Капуля было назначено на 5 сентября. Этой атакой взялся руководить подполковник Дроздовский, подтянув для этого весь свободный резерв. Мне кажется, что подполковник Дроздовский чувствовал, что его присутствие и личное руководство внушало строевым начальникам – от командиров полков до младших офицеров – уверенность в успехе, а для солдат казалось необычайным присутствие начальника штаба их дивизии. Атака носила характер стремительного, безудержного натиска. Но когда передовые цепи под действием смертоносного огня в упор, захлебнувшись, залегли перед проволокой, подполковник Дроздовский, приказав двинуть на помощь новый резерв, поднял залегшие цепи и с криком «Вперед, братцы!», с обнаженной головой бросился впереди атакующих. Мы были у цели, я – командир роты – бежал рядом с подполковником Дроздовским, все это происходило в какие-то короткие мгновения, но злая судьба не дала возможности довести Михаилу Гордеевичу так блестяще начатую атаку, – он был ранен^[13]. Ворвавшись в окопы противника, мы смогли продержаться там только до вечера, так как тщетно ждали поддержки со стороны соседних участков. Но там не было таких руководителей, которые готовы были с такой энергией до конца служить своему делу, как подпол-

ковник Дроздовский. Я не знаю, как на этот подвиг посмотрело высшее начальство, но мнение всех строевых офицеров и солдат было одно – не потеряй мы Дроздовского в этом бою, к вечеру мы бы уже спускались в Кирлибабский проход».

Только в январе 1917 года мог вернуться в строй Михаил Гордеевич и, произведенный в полковники, был назначен начальником штаба 15-й пехотной дивизии. Его мечта получить полк, быть самостоятельным начальником и, пока оставалась лишь мечтой. Там застала его революция, которая, по мнению Дроздовского, вела к гибели России. Вот его первое письмо после всех происшедших событий: «Вы положились на армию, а она не сегодня-завтра начнет разлагаться, отравленная ядом политики и безвластия. Когда я первый раз услышал о “рабочих и солдатских депутатах” – для меня ясен стал дальнейший ход событий: история – это закон. Что я переживаю? Я никогда в жизни не был поклонником режима беззакония и произвола, на переверот, естественно, смотрел как на опасную и тяжелую, но неизбежную операцию. Но хирургический нож оказался грязным, смерть неизбежна, исцеление ушло. Весь ужас в том, что у нас нет времени ждать, перед нами стоит враг с армией, скованной железной дисциплиной, нам нечего будет противопоставить его удару. Так что же я переживаю? Оборвалось и рухнуло все, чему я верил, о чем мечтал, для чего жил, все без остатка... в душе пусто. Только из чувства личной гордости, только поэтому, что никогда не отступал перед опасностью и не склонял перед ней своей головы, только поэтому остаюсь я на своем посту и останусь на нем до последнего часа».

Долгожданная мечта Дроздовского получить полк наконец осуществилась, 6 апреля он был назначен командиром 60-го Замосцкого полка, но в революционных условиях это командование не принесло радости, не дало поля для широкой творческой работы и было для Дроздовского непосильным крестом^[14].

Несмотря на общий развал армии, боевые действия продолжались. 20 ноября Дроздовский по давнишнему представлению получил Георгиевский крест 4-й степени, а представление к Георгию 3-й степени осталось безрезультатным (представление штаба Румфронта за № 125411)^[15].

24 ноября он был назначен командиром 14-й пехотной дивизии, но ввиду полной невозможности командовать дивизией при все усложнявшейся обстановке, 11 декабря Дроздовский сложил с себя это звание и уехал в Яссы, где было задумано формирование Добровольческого корпуса.

С захватом власти большевиками и фактическим прекращением войны наступил полный развал русской армии. Один лишь Румынский фронт, находившийся в иных условиях, благодаря присутствию румынских войск, границы, отделяющей его от хаоса в России, и т. д. кое-как сохранял внешний порядок^[16].

Еще в декабре 1917 года установилась связь между генералами Алексеевым^[17] (Дон) и Щербачевым^[18] (Яссы). Тогда же в Румфронте зародилась мысль об организации особого корпуса русских добровольцев для отправки его на Дон в помощь генералам Алексею и Корнилову^[19]. Эта идея встретила сочувствие и поддержку со стороны союзников; французы дали на организацию предполагаемого похода несколько миллионов франков.

Главнокомандующий Румынским фронтом генерал Щербачев поручил организацию добровольческого корпуса генералу Кельчевскому^[20]. Было выпущено воззвание к офицерам и солдатам Румынского фронта (см. приложение 1), с поступающих добровольцев требовалась подписка (см. приложение 3)^[21].

Одним из самых деятельных и талантливых организаторов по подготовке предполагавшегося похода был полковник М.Г. Дроздовский, к тому времени сложивший с себя обязанности начальника 14-й пехотной дивизии. В начале января он был командирован в Одессу, где организовал Бюро для записи добровольцев.

Тем временем осложнения росли; к середине февраля положение на юге России, через который лежал путь следования предполагаемого корпуса, находился в состоянии полной анархии. «Бескровная» русская революция начала выражаться в исступленной безудержной войне всех против всех. Море крови, пытки, насилия и грабежи на фоне страха, угнетенности и пассивности масс – вот картина царившего там хаоса.

Связь с Доном была порвана.

Видя кругом распад, не веря в возможность какой бы то ни было борьбы с большевиками, генерал Щербачев, его штаб, а за ним и испуганное офицерство отказались от своей первоначальной идеи. Проще было сидеть в Румынии и в безопасности выжидать дальнейшего хода событий. Приказом штаба Румфронта задуманный ранее поход был отменен, и добровольцы, давшие ранее подписки в Добровольческий корпус, освобождались от взятых на себя обязательств^[22].

Гибнущую идею решил спасти полковник Дроздовский. На фоне растерявшейся среды людей, долг которых был руководить и поддерживать в такие критические минуты, когда их опыт и авторитет могли бы поднять дух и объединить всех для борьбы с большевизмом, – встает скромная фигура полковника Дроздовского, объявившего прямо, что так скоро от начатого дела он не отречется. «Я иду – кто со мной». Это решение вызвало резкое осуждение окружавших его: мысль о походе называли безумием, авантюрой, – она вызывала насмешки и возмущение. Из всего Румынского фронта на смелый призыв Дроздовского отозвалось и поступило в организуемую им 1-ю бригаду Русских Добровольцев всего 800 человек, не побоявшихся всех опасностей, которые стояли на намеченном пути, доверяя вполне водительству Дроздовского.

Только незадолго до выхода из Румынии генерал Щербачев изменил свое недоверчивое отношение к походу и стал помогать Дроздовскому; генерал же Кельчевский^[23] до конца где было возможно тормозил дело^[24]; Дроздовский называл его предателем.

Ярким примером отношения к проекту Дроздовского может служить следующее: в Одессе председатель Союза офицеров генерал-лейтенант Л.^[25] в резкой форме отказал в содействии отряду по формированию, пополнению и распространению среди офицеров его идей, не желая принимать участие и брать на себя ответственность в «этой аванюре».

Румынское правительство, помогавшее вначале, впоследствии ставило всяческие препятствия организации отряда, требуя его разоружения.

Несмотря на чинимые препятствия, Дроздовскому удалось организовать свой отряд, который и выступил под его начальством в поход, описанию которого посвящен приводимый ниже дневник.

Дневник 1918–1919

20 февраля 1918 г.

Утром 19 шел Геруа^{13[26]} передать доклад Совета¹⁴. Встреча с Алексеевым^{15[27]}, решение уходить. Тревожные вести – разоружение. Все по моему предсказанию за последние 10 дней. Мое решение – пробиться. Распоряжение Лесли^{16[28]} подготовить помещение и об уходе; поездка в Скентею¹⁷

¹³ Геруа – генерал-майор – бывший командир лейб-гвардии Волынского полка, начальник штаба генерала Щербачева. Здесь и далее сноски под римскими цифрами воспроизводятся по изданию: *Дроздовский М.Г.* Дневник. Берлин, 1923. Сноски под арабскими цифрами подготовлены Р.Г. Гакуевым и помещены в конце книги.

¹⁴ Совет – конспиративный совет по организации добровольческого движения.

¹⁵ Генерал Алексеев, при штабе Румынского фронта, впоследствии начальник штаба Войска Донского.

¹⁶ Лесли – полковник Генерального штаба, совершивший поход с Дроздовским.

¹⁷ Скентея – местечко в 60 верстах от Ясс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Деникин Антон Иванович (1872–1947). Военный и политический деятель, один из лидеров Белого движения, генерал-лейтенант (1916). Участник Русско-японской войны (1904–1905). В Первую мировую войну начальник знаменитой 4-й «железной» стрелковой бригады (с сентября 1914), развернутой в августе 1915 г. в дивизию; командир 8-го корпуса (с сентября 1916); помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего (с марта 1917); временно исполняющий должность начальника (с апреля) и начальник штаба Главковерха; главнокомандующий армиями Западного (с мая) и Юго-Западного фронтов (с августа). За поддержку выступления генерала Л.Г. Корнилова в августе 1917 г. отстранен от должности и арестован; находился в заключении в Быхове. Один из организаторов Добровольческой армии в конце 1917 – начале 1918 г. Участник Первого Кубанского похода Доброй армии; возглавил армию после гибели генерала Корнилова весной 1918 г. С осени 1918 г. – Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России, с июня 1919 г. – заместитель Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака. В марте 1920 г. после Военного совета в Севастополе сдал должность Главкома ВСЮР генералу П.Н. Врангелю и выехал за границу. Проживал в Великобритании, Бельгии, Венгрии, Франции, США. В Зарубежье отошел от активной политической жизни, работал над пятитомным изданием «Очерков русской смуты» (1921–1926), воспоминаниями «Старая армия» (1929–1931), автобиографической повестью «Путь русского офицера» (издана в 1953) и другими работами, посвященными истории Русской армии и Гражданской войны.

2.

Вполне возможно, что составители дневника делают отсылку к знаменитому высказыванию правого политика, участника Белого движения В.В. Шульгина о Белом движении, опубликованном в книге «Дни» в 1921 г.: «Начатое “почти святыми”, оно попало в руки “почти бандитов”» (Шульгин В.В. 1920. Очерки. София, 1921. С. 12).

3.

Все даты в очерке приведены по старому стилю (Юлианскому календарю).

4.

Дроздовский Гордей Иванович (03.01.1835 – январь 1908). Окончил Нежинскую гимназию. Вступил в службу 2 ноября 1854 г. унтер-офицером в резервный батальон егерского Тарутинского полка. 25 марта 1855 г. переведен в резервный Егерский полк 17-й пехотной дивизии, 3 апреля 1855 г. – в 46-й пехотный Днепровский полк. В составе полка участник Крымской войны; 22 сентября 1855 г. за отличия в боях произведен в прапорщики. 4 июня 1859 г. произведен в подпоручики, 4 июня 1862 г. – в поручики. С января 1863 г. – дежурный офицер в корпусном юнкерском училище в городе Павловске; осенью 1863 г. – вновь переведен в Днепровский полк; 27 января 1864 г. назначен полковым адъютантом. 27 апреля 1866 г. женился первым браком на дочери отставного полковника Николая Дирина, девице Надежде (в браке с которой родилось пятеро детей). 11 января 1868 г. произведен в штабс-капитаны, 20 января 1871 г. – в капитаны. В августе 1871 г. временно командовал ротой юнкеров Киевского пехотного юнкерского училища. 31 мая 1874 г. произведен в майоры. 20 февраля 1878 г. назначен исполняющим обязанности заведующего хозяйством в Киевском училище. 15 мая 1883 г. произведен в подполковники с отчислением от училища; летом того же года откомандирован в Днепровский полк. С апреля 1884 г. прикомандирован к 48-му пехотному Одесскому полку для командования батальоном (в январе 1885 г. утвержден в должности); в ноябре 1884 г. – переведен в полк на службу. В 1886 г. назначен временным членом в

Киевский военно-окружной суд. 22 ноября 1890 г. командирован в Ковно (ныне Каунас, Литва) для командования вновь формируемым 3-м крепостным Ковенским батальоном. 7 января 1891 г. произведен в полковники с назначением командиром Ковенского батальона. 1 декабря 1892 г. назначен командиром 168-го пехотного резервного Острожского полка. Награжден орденами Святого Станислава 3-й степени (31 января 1865 г.), Святого Владимира 4-й степени с бантом «За 25 лет службы» (22 сентября 1881 г.), Святой Анны 2-й (15 февраля 1887 г.) и 3-й степени (17 февраля 1878 г.), Святого Станислава 2-й степени (9 мая 1882 г.), а также серебряной медалью «За защиту Севастополя с 1854 по 1855 г.» и бронзовой «В память Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг.», знаком Красного Креста (28 августа 1880 г.) и серебряной медалью «В память 50-летия обороны Севастополя» (30 ноября 1904 г.).

5.

Дроздовская Юлия Гордеевна (1866–07.01.1922). Первый ребенок в семье Дроздовских, оказала большое влияние на воспитание Михаила Дроздовского, с которым на протяжении всей его жизни поддерживали теплые и доверительные отношения (М.Г. Дроздовский называл ее единственным «человеком из близких мне, в чувстве которого мне не придется разочароваться»). Сохранилась часть обширной переписки между Юлией и Михаилом Дроздовскими (обнаруженная часть переписки полностью опубликована: Письма М.Г. Дроздовского к сестре Юлии и фрагменты его дневников за разные годы (1899–1918 гг.) // Дроздовский и дроздовцы: [Сб. док. и воспоминаний] / Сост. и ред. Р.Г. Гагкуев и др. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012. С. 139–169). Участница Русско-японской войны (1904–1905 гг.). Окончила двухмесячный курс Попечительского совета Черниговской общины сестер милосердия Святого Феодосия; 19 апреля 1904 года была признана достойной звания сестры, работала в хирургическом отделении Черниговской губернской земской больницы, где «показала себя вполне знающей и умелой при перевязках больных и операциях». Командирована на Дальний Восток, в общий резерв сестер милосердия, в котором пробыла с марта 1905 по февраль 1906 г. В июне 1905 г. – сестра милосердия 9-го сводного Харбинского госпиталя (находившегося на станции Гунчжулин). Приказом № 764 командующего войсками Дальнего Востока генерала от инфантерии Н.И. Гродекова в марте 1906 г. награждена серебряной медалью. В 1907–1908 гг. жила в Санкт-Петербурге, позднее возвратилась в Чернигов. Была тяжело больна: согласно свидетельству от 16 сентября 1917 г., у нее был паралич ног и рук, ей был предписан полный покой и требовался постоянный уход. Во время Гражданской войны оставалась в Чернигове, жила в богадельне. После занятия города белыми в октябре 1919 г. была эвакуирована на юг в сопровождении сестры милосердия Дроздовского полка. В 1920 г. эвакуирована за рубеж. Скончалась 7 января 1922 г., похоронена на Русском кладбище имени королевы Греции Ольги Константиновны в Пирее (Греция). По всей видимости, после ее смерти остается личный архив (включая переписку и, вероятно, дневниковые записи М.Г. Дроздовского), судьба которого остается неизвестной. Все копии личных писем Дроздовского были сняты уже после смерти Ю.Г. Дроздовской в одном месте – болгарском городке Мездра (недалеко от Софии) и датированы 1930-ми гг.

6.

Вероятно, речь идет о Леониде Феликсовиче Гаасе (25.02.1863–?), окончившем Киевский кадетский корпус. Вступил в службу 20 августа 1882 г.; окончил 3-е военное Александровское училище, из которого выпущен в 125-й пехотный Курский полк; подпоручик (1884 г.); поручик (1888 г.); штабс-капитан (1897 г.). В 1890-х гг. в чине штабс-капитана – офицер-воспитатель Киевского кадетского корпуса. Капитан (1899 г.); подполковник (1902 г.); командир батальона. Участник Русско-японской войны (1904–1905 гг.). С декабря 1908 по ноябрь 1913 г. – Купянский уездный воинский начальник. Полковник (1913 г.). С ноября

1913 г. – Таращанский уездный воинский начальник (на август 1916 г. – в той же должности). В 1918 г. в армии Украинской державы; летом 1918 г. – Таращанский уездный воинский начальник. Позднее – в составе Вооруженных сил Юга России (ВСЮР). В начале 1920 г. эвакуирован из Новороссийска на остров Принкипо; в июле – возвратился в Крым. В эмиграции проживал в Югославии. Член Сербобранского отдела Общества русских офицеров в Королевстве сербов, хорватов и словенцев.

7.

Лейб-гвардии Волынский Его Величества полк – один из наиболее известных гвардейских полков Русской императорской армии, был сформирован в 1817 г. в Варшаве из 1-го батальона лейб-гвардии Финляндского полка в составе двух батальонов для охраны великого князя Константина Павловича.

8.

Осенью 1904 г. в письме сестре Юлии Михаил Дроздовский так описывал свое поступление в Академию Генерального штаба: «Вчера прошел один из самых трудных моих экзаменов – историю. Трудный он был потому, что подготовки было всего три дня, а на то я и “Михаил Дроздовский”, чтобы до поездки в Питер не открывать книг. При округе же у нас балаган, а не экзамен, все свои люди, конечно, пропустили. Осталось только два предмета, артиллерия и тактика, но ввиду того, что не родился еще на свете человек, который бы мог срезать меня по этим предметам, я считаю себя поступившим. Да и вообще, разве может быть какой-нибудь экзамен, которого не выдержал бы твой брат. До сих пор я иду один из первых. Все легенды о необычайной трудности попасть [в Академию] распускаются обыкновенно неудачниками. Держать экзамен приезжают иногда такие раритеты, что становится вчуже стыдно за офицерский мундир. Можно явиться без знаний и воспользоваться двух-, трех-, четырехдневными подготовками, но явиться без знаний людям совершенно неразвитым, конечно, рискованно. Мое назначение на Восток, кажется, проваливается... Была бы дивная комбинация попасть в Академию, а оттуда на войну, по окончании которой я приобретаю право возвращения уже без экзаменов» (Дроздовский и дроздовцы: [Сб. док. и воспоминаний] / Сост. и ред. Р. Г. Гагкуев и др. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012. С. 142–143).

9.

За время Русско-японской войны Михаил Дроздовский был награжден двумя орденами. В апреле 1905 г. приказом войскам 2-й Маньчжурской армии за № 87 и 91, за отличия в боях с японцами с 12 по 16 января 1905 г. у деревни Хейгоутай и Безымянной (Семапу) он был пожалован орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», а 30 октября 1905 г. – награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. В 1912 г. Дроздовский также получил «Медаль в память Русско-Японской войны 1904–1905 годов» с бантом.

10.

14 января 1905 г. Михаил Дроздовский в бою на реке Хунхэ был ранен ружейной пулей насквозь в левое бедро.

11.

До настоящего времени каких-либо сведений об этой работе или ее отрывков найти не удалось.

12.

Весной – летом 1913 г. Дроздовский неоднократно писал сестре Юлии о своем увлечении авиацией и командировке: «Получил командировку в Севастополь, в авиационную школу,

учиться наблюдениям с аэропланов. По сему случаю пребываю в телячьем восторге – в Варшаве весной совершил несколько полетов, и это занятие меня сильно увлекло, во всяком случае, большой отдых от гнетущего однообразия моего постоянного бумагомарания. [...] Летаю я много. Участвовал и в том перелете, о котором ты спрашиваешь, кроме того, летал в Евпаторию и обратно два раза, и много других полетов было совершено за это время в окрестностях Севастополя. Между прочим, научился немного управлять аппаратом в воздухе и несколько раз вел его самостоятельно под контролем летчика. В общем, это удивительно увлекающая вещь, и я глубоко сожалею, что не разрешили мне учиться летать – мое управление было контрабандой и лишь на воздухе, а самым трудным являются посадка и взлеты. [...] я теперь действительно крепко увлекаюсь авиацией, недавно окончил серию полетов пассажиром, сделав в общей сложности около 2 тысяч верст, побывал, между прочим, в Белостоке, Осовце, Гродне, Лиде и многих других пунктах поменьше. В общем, полеты были чрезвычайно интересны и поучительны, как школа, но проходили иногда в тяжелых условиях. Теперь на время перестал летать пассажиром, но зато начал уроки самостоятельного управления; надеюсь, если все будет благополучно, то есть аппарат будет в исправности и дни будут хорошие, дней через семь – восемь сделать первый самостоятельный полет. В Варшаве сейчас сидит [французский летчик А.Ф.] Пуаре, один из знаменитых летчиков, и с ним я 22-го сделал пару мертвых петель; должен, однако признаться, что никакого особенного ощущения не было – полет как полет» (Дроздовский и дроздовцы... С. 145–146).

13.

Согласно послужному списку, М.Г. Дроздовский был ранен «31 августа 1916 года при атаке горы Капуль... ружейной пулей в область верхней трети правого предплечья с повреждением мышц» и эвакуирован для лечения в тыл 4 сентября. 16 сентября Дроздовский писал сестре Юлии: «Царапаю тебе левой рукой, дорогая моя Юличка, ибо правую мне крепко подрали 31 августа австрияки. Сильно разорваны мышцы ниже локтя (трудно поверить, чтобы это могла натворить ружейная пуля) и поврежден один нерв. Болит рана все время и только-только начинает очищаться от нагноения. Лечение, по-видимому, предстоит долгое. Как все это ни грустно, но я испытываю огромное нравственное удовлетворение – я унес с собой в лазарет незапятнанное боевое имя, чистую репутацию и сознание честно исполненного долга – и это вознаграждает за все. Столько приходится видеть людей, всячески уклоняющихся от боя, готовых на всякую низость для спасения своей жалкой шкуры. Тебе никогда не придется покраснеть за своего брата, дорогая Юля, никогда я еще не уклонялся от опасностей, скорее наоборот, и никогда еще перед угрозой смерти не отступил. Не суди за эту похвальбу, ведь это мое единственное утешение за измученную руку. Да, можешь поздравить меня – произведен в полковники, и начальство уверяет, что, как только вернусь из госпиталя – мне дадут полк. Перспективы долгого лечения от этого еще более меня удручают» (Дроздовский и дроздовцы... С. 160).

14.

27 сентября 1917 г. командир 60-го пехотного Замосцкого полка М.Г. Дроздовский из Берештий писал начальнику 15-й пехотной дивизии генерал-майору Г.Г. фон Тимроту о ситуации в полку: «В полку началось проникновение большевистских лозунгов через газету “Прибой” – орган Гельсингфоргского комитета РСДРП. Принять меры против попадания газеты в полк не могу, так как она проникает в полк тайным путем, по почте, в письмах. Да и как бороться, раз правительство допускает ее издание и свободную продажу (по 15 пени номер), очевидно, с целью еще более затруднить и без того непосильный труд офицерства. Номер, который я имел в руках, обычного для подобных газет грубого и тупо-сумбурного содержания, способного вызвать только улыбку у развитого человека; но в темной и тупой

массе солдат такие газеты имеют успех, завоеывая симпатии безответственными лозунгами мира во что бы то ни стало, немедленного захвата всей земли, безграничного произвола и т. п. Между прочим, в этом номере правительство и, в частности, [премьер-]министр [А.Ф.] Керенский называются изменниками; Иксюльский прорыв (речь идет об оставлении в июле по приказу командующего Северным фронтом В.Н. Клембовского Иксюльского плацдарма на левом берегу Западной Двины накануне Рижской операции. – Примеч. сост.) объяснен изменой офицеров, требовавших немедленного отступления от солдат, желавших сопротивляться (!!); проповедует избиение начальников.

15.

26 ноября 1917 г. приказом по 4-й армии № 5705 Дроздовский был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В письме к сестре Юлии от 24 ноября он писал: «Еще 20-го получил Георгиевский крест (4-й степени. – Примеч. сост.) по давнишнему представлению – единственный орден, к которому я никогда не был равнодушен... а между тем у меня теперь никакой радости в сердце, нисколько не стало легче на душе от этого маленького белого крестика...» В следующем письме от 2 декабря он писал сестре: «Можешь поздравить меня с получением ордена Святого Георгия 4-й [степени] за бой 11 июля, когда я с полком участвовал в прорыве немецкой позиции. За бои 30 июля – 4 августа представили меня к Георгию 3-го класса, но теперь, за всеми этими событиями, представление, вероятно, и до [Георгиевской] думы не доберется». Ранее, в 1915 г. Дроздовский был также награжден Георгиевским оружием. Согласно послужному списку, награждение состоялось «... приказом командующего 10-й армией 2 ноября 1915 года за № 1270... за то, что принимая непосредственное участие в бою 20 августа 1915 года у местечка Оханы, произвел под действительным артиллерийским и ружейным огнем рекогносцировку переправы через Месечанку, руководя форсированием ее, а затем, оценив возможность захвата северной окраины местечка Оханы, лично руководил атакой частями Перекопского полка и умелым выбором позиции способствовал действиям нашей пехоты, отбивавшей в течение пяти дней наступавшие части превосходных сил противника» (Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Библиографический справочник / Отв. сост. В.М. Шабанов. М., 2004. С. 501; Дроздовский и дроздовцы... С. 134, 167).

16.

Еще 3 июля 1917 г. Дроздовский писал сестре Юлии о состоянии своего полка: «Полк у меня сравнительно в порядке, как и вообще вся дивизия, если, конечно, словом “порядок” можно назвать ныне состояние хоть какой-нибудь части. Никаких выступлений против офицеров у нас, слава Богу, не было, но, конечно, дисциплины никакой, служба несется скверно, обещают, что все пойдут в атаку, и этому я верю, на порыв их хватит, но что будет дальше, за первым порывом – сплошной знак вопроса. Не понимаю, на что может рассчитывать эта публика в длительном бою без дисциплины. Так или иначе, но через самый короткий срок мне предстоит вести эту публику в бой. В общем, грустные перспективы – не о таком командовании полком я мечтал и не таким полком так рвался командовать». В письме сестре от 10 августа он рассказывал об одном из последних, сравнительно успешных действий своего полка: «11 июля у нас была атака; вследствие громадного превосходства сил мы имели успех, невзирая на то, что большая часть солдат была непригодна к бою. Мой полк взял даже 10 орудий. 30–31 июля и 1–2 августа снова были тяжелые бои; наступали немцы, в незначительных, меньших силах, больше артиллерией, чем штыками. Но деморализованная, развращенная, трусливая масса почти не поддавалась управлению и при малейшей возможности покидала окопы, даже не видя противника: от каких-нибудь нескольких снарядов или только в ожидании неприятельской атаки. Еще 31-го было нечто вроде боя, нечто вроде сопротивления, мы частью

отстаивали свои позиции, но уже 1 августа разразился скандал – поголовное бегство полка, целые вереницы беглых тянулись мимо штаба. Тогда я послал весь мой резерв, мою лучшую часть останавливать этих беглецов. Ни о каком управлении боем не могло быть и речи среди заборов, домов и виноградников. Много раненых офицеров и солдат было брошено этими мерзавцами на позиции. Увидя эту катастрофу, я решил покончить со свободами и приказал бить и стрелять беглецов. Этими крайними мерами, широким применением палок и оружия удалось восстановить кое-какой порядок и, пользуясь ночью, остановиться на новой позиции. На другой день сразу же были приняты меры, самые крутые, офицеры наблюдали за цепями, все время с револьверами в руках, позади я расставил разведчиков, и всякая попытка к бегству встречалась огнем. Благодаря этому позиция была удержана, и противник, поплатившись, больше не дерзал на новую атаку. Сейчас чиню суд и расправу, авось, приведу их в порядок; они уже начинают чувствовать мое давление. Конечно, может и сорваться» (Дроздовский и дроздовцы... С. 165–166).

17.

Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918). Военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (1914), генерал-адъютант (1916), один из основателей Белого движения. Участник Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской (1904–1905) войн. С началом Первой мировой войны, в июле 1914 г., назначен начальником штаба армий Юго-Западного фронта; с марта 1915 г. – главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта; с августа 1915 г. – главнокомандующий армиями Западного фронта. В августе 1915 г., после того как император Николай II принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего, назначен начальником штаба Ставки Главковерха. Как начальник штаба фактически руководил всеми военными операциями Русской армии вплоть до Февральской революции. С апреля по май 1917 г. – Верховный главнокомандующий Русской армии. Пытался предотвратить развал армии, выступал против советов и солдатских комитетов в армии. Во время выступления генерала Л.Г. Корнилова в августе 1917 г., чтобы спасти «мятежников», согласился возглавить Ставку и произвести арест Корнилова и его сподвижников. После Октябрьского переворота выехал в Новочеркасск, где стал одним из главных руководителей зарождавшегося Белого движения. Под его руководством в конце 1917 г. начала свое формирование Алексеевская организация; Верховный руководитель Добровольческой армии. Провел большую работу по организации не только Добровольческой армии, но и всего антибольшевистского сопротивления на территории Европейской России (особенно антисоветского подполья в крупных городах). Выступал за восстановление монархии. При этом считал, что провозглашение этого лозунга в 1918 г. в условиях еще «непережитой революции» связано с немалым политическим риском. Скончался 8 октября 1918 г. от воспаления легких.

18.

Щербачев Дмитрий Григорьевич (1857–1932). Военачальник, генерал-адъютант (1915), генерал от инфантерии (1915). Начальник Николаевской военной академии (1907–1912). Участник Первой мировой войны, в которую вступил командиром 9-го армейского корпуса (с 1912); командующий 11-й армией (с апреля 1915); командующий 7-й армией (с октября 1915); с апреля 1917 г. – помощник главнокомандующего армиями Румынского фронта румынского короля Фердинанда I. В декабре 1917 – феврале 1918 г. командовал Украинским фронтом, подчинявшимся Центральной раде. Участник Белого движения на Юге России; военный представитель русских армий при союзных правительствах и союзном Верховном командовании (с января 1919), создал в Париже управление, занимавшееся снабжением белых

армий (1918–1920). В мае 1920 г. из-за разногласий с генералом П.Н. Врангелем во взглядах о совместных действиях с Польшей отказался от должности. В эмиграции жил во Франции.

19.

Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918). Военный и политический деятель, генерал от инфантерии (1917), военный разведчик, дипломат и путешественник-исследователь, один из основателей Белого движения. Участник Русско-японской войны (1904–1905). К началу Первой мировой войны генерал-майор; с августа 1914 г. – начальник 48-й пехотной («стальной») дивизии. Весной 1915 г. был взят в плен, из которого бежал в июле 1916 г. С сентября 1916 г. – командир 25-го армейского корпуса Особой армии генерала В.И. Гурко. В феврале 1917 г., еще до начала Февральской революции, кандидатура Корнилова на пост командующего войсками Петроградского военного округа была одобрена императором Николаем II. Пытался остановить развал войск; в апреле отказался от должности командующего округом, назначен командующим 8-й армией Юго-Западного фронта. После неудачного июньского наступления (в котором 8-я армия Корнилова отличилась) назначен главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта. С 19 июля 1917 г. – Верховный главнокомандующий Русской армией. Стремясь восстановить дисциплину в армии и порядок в стране, с ведома главы Временного правительства А.Ф. Керенского, в конце августа 1917 г. направил к Петрограду 3-й кавалерийский корпус, чтобы предоставить в распоряжение правительства надежные войска в случае вооруженного восстания большевиков. Уже после выступления корпуса Керенский переменял свою позицию и под давлением Петроградского совета объявил Корнилова мятежником, сместив с поста Главнокомандующего. Вместе с поддержавшими его офицерами находился в заключении в городе Быхов. 19 ноября по приказу Н.Н. Духонина Корнилов и другие арестованные были освобождены. 6 декабря Корнилов прибыл в Новочеркасск. Вместе с генералом М.В. Алексеевым возглавил формирование Добровольческой армии. Организатор и первый командующий Добровольческой армии. Погиб во время Первого Кубанского похода во время штурма Екатеринодара (ныне Краснодара) 31 марта 1918 г.

20.

Встав во главе добровольческих формирований, Кельчевский прежде всего приветствовал уже сформированные части: «Вам, русские люди, воодушевленные великой идеей по созданию кадров для будущей Русской, ныне погибшей, армии, будет принадлежать честь и слава ее восстановления. Вам, скромные, но мужественные люди, отрезвевшая Русь скажет спасибо за Ваше могучее сердце, за то, что среди всеобщей злобы и подозрений, среди анархии и подлых наветов, Вы не перешли грань, где теряется здравый смысл, и с верой в Бога взяли за великое дело по созданию силы для борьбы по восстановлению порядка и на защиту будущего Учредительного собрания, истинного хозяина земли Русской. Бог Вам на помощь для дружной и честной работы» (Цит. по: Дроздовский и дроздовцы... С. 47).

21.

24 января (6 февраля) генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев отдал приказ № 1413 по русским армиям Румынского фронта, согласно которому было начато формирование Отдельного корпуса русских добровольцев в составе штаба и трех бригад. Инспектором по формированию добровольческих частей был назначен бывший командующий 9-й армией генерал-лейтенант А.К. Кельчевский; начальником штаба стал бывший начальник 3-й Туркестанской стрелковой дивизии Генерального штаба генерал-майор А.Н. Алексеев. Штаб получил наименование Управления по формированию добровольческих частей. Согласно приказу, формировались 1-я Скентейская бригада по главе с полковником М.Г. Дроздовским, развертывалась 2-я

Кишиневская бригада, которую последовательно возглавляли генералы А.В. Асташов и Ю.Ю. Белозор. Создание 3-й бригады планировалось в городке Болграде.

22.

Положение Главнокомандующего русскими армиями Румынского фронта генерала от инфантерии Д.Г. Щербачева было крайне непростым. В своей поддержке добровольческих формирований он был ограничен сложившимися обстоятельствами. Прежде всего, номинальным командующим фронта был румынский король Фердинанд I, и формально Щербачев был его помощником. Возможности принимать серьезные решения в обход румынской главной квартиры он не имел. В ситуации, когда недавний союзник России пошел на мирные переговоры со странами Центрального блока, Щербачев несомненно испытывал сильное давление со стороны румын. Германское командование не было заинтересовано в появлении любой организованной русской вооруженной силы, так как не без оснований могло считать ее враждебной себе. Румыны же, стремясь заключить мир, видели в русских добровольцах исключительно неблагоприятный фактор при ведении переговоров, всячески стараясь выполнить требование немцев о расформировании добровольческих частей. По сути, главной причиной неудачи формирования добровольческих частей в феврале 1918 г. стало изменение отношения к добровольческой организации со стороны румынских властей. 27 января (9 февраля) 1918 г. Центральная рада Украинской народной республики подписала мирный договор со странами Четверного союза, начавшими оккупацию Украины «для поддержания порядка». Когда ситуация приняла явно неблагоприятный для Румынии характер (она рисковала остаться один на один в войне со странами Центрального блока), ее правительство, несмотря на протесты со стороны союзных миссий, 24 февраля (9 марта) 1918 г. также вступила в мирные переговоры с противником (перемирие с ним Румыния заключила еще в декабре 1917 г.). При этом румынские войска оккупировали часть русской территории – Бессарабию. С этого времени румынские власти начали препятствовать дальнейшему формированию добровольцев: была запрещена выдача оружия и боеприпасов, опубликовано сообщение о том, что в Яссах нет никаких добровольческих частей. После подобной подготовительной работы румынское командование заявило, что русские добровольческие бригады более не могут продолжать формирование, должны сдать оружие и распуститься. Требование это совпало с началом отъезда из Румынии представителей союзнических миссий и продвижения частей противника на русскую территорию. Румынское командование потребовало оружие и имущество Русской армии не отправлять в Россию, а оставить на месте.

23.

Кельчевский Анатолий Киприанович (1869–1923). Генерал-лейтенант (1917). Участник Первой мировой войны, на фронт которой вышел командиром 6-го Финляндского стрелкового полка. Позднее – исполнял должность генерала для поручений при штабе 9-й армии; с ноября 1915 г. – генерал-квартирмейстер штаба 9-й армии; с апреля 1917 г. – начальник штаба 9-й армии. Отрицательно отнесся к Октябрьскому перевороту, был смещен с должности. С конца января 1918 г. – инспектор по формированию добровольческих частей на Румынском фронте. Отдал приказ об аннулировании подписок, данных офицерами, после заключения Украинской радой мира со странами Центрального блока. С ноября 1918 г. – в Донской армии, начальник штаба Восточного (Царицынского) фронта. В феврале 1919 – марте 1920 г. – начальник штаба Донской армии; позднее военный и морской министр Южнорусского правительства. В марте – апреле 1920 г. – начальник штаба Донского корпуса. В апреле 1920 г., вместе с генерал-лейтенантом В.И. Сидориным, был снят с поста и отдан главнокомандующим ВСЮР генерал-

лейтенантом П.Н. Врангелем под суд за сепаратистские казачьи устремления. В мае 1920 г. – выслан за границу.

24.

На состоявшемся в начале февраля 1918 г. в штабе Румынского фронта совещании выяснилось, что из 5000 записавшихся в формируемый корпус 3000 оказались на штабных должностях, а полторы тысячи, приходившихся на долю Кишиневской бригады, были преимущественно «мертвыми душами». Реальную силу представляли только 500 человек в Соколах под командой М.Г. Дроздовского. Происходящее позволило Кельчевскому сделать вывод о невозможности похода. После ряда переговоров и совещаний генерал Кельчевский, принимая во внимание оказываемое румынами давление, начавшееся вторжение в пределы России немцев, общую неудачу добровольческих формирований и отсутствие необходимой для похода конницы, признал задуманный план неосуществимым, рискованным и обреченным на неудачу. С ведома генерала Щербачева, 24 февраля (9 марта) (в день начала под Бухарестом мирных переговоров между Румынией и странами Четверного союза) он издал приказ об аннулировании данных офицерами обязательств и о роспуске частей добровольческого корпуса. Помимо приказа о недействительности подписки вывешивались объявления с предложением вступившим в добровольческие части офицерам разъехаться, а затем последовали и новых объявления, обещавшие военным безбедное существование в румынских городах.

25.

Речь идет о генерал-лейтенанте (1914) Евгении Александровиче Леонтовиче (1862–1937). На фронт Первой мировой войны выступил командиром 1-й бригады 2-й кавалерийской дивизии (с сентября 1908). С сентября 1914 г. – командующий 3-й кавалерийской дивизией; в 1916 г. одновременно командовал 6-м кавалерийским корпусом. В апреле 1917 г. отчислен от должности начальника дивизии, назначен в резерв чинов при штабе Одесского военного округа. Участник Белого движения на Юге России. В декабре 1917 – январе 1918 г. занимался организацией добровольческих отрядов в Одессе; в первой половине 1918 г. – начальник формирований Одесского вербовочного центра Добровольческой армии. Вице-адмирал Д.В. Ненюков, оказавшийся в начале 1918 г. в Одессе, вспоминал о деятельности Е.А. Леонтовича: «Правление союза вначале враждебно отнеслось к нашей пропаганде, так как руководствовалось указаниями от гетмана, интересы которого как сепаратиста были прямо противоположны идеям добровольцев, выставившим своим лозунгом великую и неделимую Россию. Леонтович собирал молодежь и говорил им, что вся затея добровольцев – глупая авантюра, которая только увеличит число жертв и провалится как мыльный пузырь, что нужно надеяться на немцев, а пока пилить дрова и ждать лучших времен» (Ненюков Д.В. От Мировой до Гражданской войны: Воспоминания 1914–1920 / Вступ. ст. и примеч. А.В. Посадского. М., 2014. С. 284). Летом 1919 г. – в штабе Войск Юго-Западного края. С 1920 г. в эмиграции, проживал в Румынии.

26.

Геруа Александр Владимирович (1870 – после 1944). Генерал-лейтенант (1917). Участник Русско-японской (1904–1905) и Первой мировой войн. К началу войны – генерал-майор, командир лейб-гвардии Волынского полка (с февраля 1914 г.); с октября 1915 г. – начальник 38-й пехотной дивизии; с октября 1916 г. – исполняющий должность начальника штаба 2-й армии; с июня 1917 г. – командир 18-го армейского корпуса; в конце 1917 – марте 1918 г. – в штабе Румынского фронта. Участник Белого движения на Юге России; с октября 1918 г. представитель при французском генерале А. Бертелло (Бертло); с октября 1919 г. – начальник

русской военной миссии ВСЮР в Бухаресте; с апреля 1920 г. – военный представитель главного командования ВСЮР и великого князя Николая Николаевича в Румынии. В эмиграции жил в Румынии. В 1944 г. арестован и вывезен в СССР.

27.

Алексеев Анатолий Николаевич (1865–1922). Генерал-лейтенант (1917). Участник Русско-японской войны (1904–1905). На фронт Первой мировой войны вышел командир 17-го Донского казачьего полка; с июня 1915 г. – командующий 2-й Заамурской, а с июля – командующий 3-й Заамурской конной бригадой; с января 1916 г. – начальник штаба Сибирской казачьей дивизии; с апреля 1917 г. – командующий Сибирской казачьей дивизией; с сентября – командующий 6-м кавалерийским корпусом; с декабря 1917 по март 1918 г. – начальник штаба 9-й армии. Снят с должности с началом украинизации армии. Участник Белого движения на Юге России; с мая 1918 г. в Донской армии, с февраля 1919 г. – начальник штаба Северного фронта Войска Донского; с марта 1919 г. – начальник штаба 2-й Донской армии; в апреле сдал должность, состоял при войсковом атамане Войска Донского; в 1919–1920 гг. – генерал для поручений при командующем. Осенью 1920 г. – директор Донского кадетского корпуса. В эмиграции в Югославии.

28.

Лесли Георгий Дмитриевич (1888–1957). Из дворян Смоленской губернии. Участник Первой мировой войны, на фронт которой вышел в чине штабс-капитана (1914) 1-го саперного батальона; с октября 1916 г. – капитан, старший адъютант 5-й стрелковой дивизии; с января 1917 г. – обер-офицер для поручений при помощнике Главнокомандующего армиями Румынского фронта. К концу войны – полковник. Участник Похода Яссы – Дон (помощник начальника штаба отряда, с 21 апреля – начальник штаба отряда, затем 3-й пехотной дивизии). Весной – летом 1918 г. – начальник вербовочного центра Добровольческой армии в Киеве; арестован германскими войсками. В августе бежал на Дон. Весной 1920 г. эвакуировался из России, в августе возвратился в Крым. Эмигрант. На 1 апреля 1922 г. проживал в Константинополе, позднее в США. Скончался 2 февраля 1957 г. в Нью-Йорке или Флориде.